
А. М. ВВЕДЕНСКИЙ

Договоры Руси с греками X в.: Клятва Святослава Игоревича

Проблемы интерпретации выражения «колоти яко золото»¹

Дипломатические отношения между Русью и Византией всегда находились под пристальным вниманием историков-медиевистов. Главным письменным источником ранних русско-византийских дипломатических отношений являются договоры Руси с греками X в. — самые ранние юридические документы, зафиксировавшие древнерусские внутренние и внешние правовые нормы. Тексты договоров имеют ряд особенностей, затрудняющих их изучение:

1. Отсутствуют оригиналы текстов договоров, что не позволяет с уверенностью определить язык, на котором они были составлены.

2. Тексты договоров сохранились лишь в составе летописей, что создает трудности в определении характера взаимоотношений между текстом летописей и текстами договоров.

3. Договоры, относящиеся к X в., сохранились в составе Повести временных лет, которая дошла до нас в составе нескольких летописей. Самая ранняя из них — Лаврентьевская летопись 1377 г., поэтому трудно говорить о времени внесения договоров в текст летописи, а также о характере изменения текста с X по XIV в.

Сложность исследовательской работы с договорами о мире заключается также и в наличии в текстах договоров ряда «темных» мест. Одним из таких «темных» мест является санкция клятвы Святослава Игоревича по Лаврентьевскому списку: «да будемъ золоти (*испр. из* колоти. — А. В.), яко золото, и своимъ оружьемъ да исъчени будемъ»,² которой посвящена наша работа. Прежде чем перейти к интерпретации самой санкции, следует обратиться к тем особенностям текста, о которых мы говорили выше.

Тексты договоров, заключаемых Византийской империей с другими государствами, в частности с русским, в конце I—начале II тыс., начали изучаться еще в XIX в.³ Для восстановления формы договорных грамот исследователи прибегали к сохранившемуся греко-персидскому договору 628 г. А. Димитриу добавил к нему также греко-венецианские договоры XI—XII вв.⁴ Основной вы-

¹ Выражаем глубокую благодарность за консультации и помощь А. Г. Боброву, Г. С. Лебедеву, Т. В. Рождественской, О. В. Творогову, С. В. Томсинскому, И. Я. Фроянову.

² Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц; Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 34—35. Далее все летописные цитаты будут приводиться по этому изданию, кроме специально оговоренных случаев.

³ См. краткий обзор работ в статье: М а л и н г у д Я. Русско-византийские договоры в X веке в свете дипломатики // ВВ. М., 1995. Т. 56. С. 69. Примеч. 2.

⁴ Д и м и т р и у А. К вопросу о договорах русских с греками // ВВ. СПб., 1895. Т. 2, вып. 4. С. 531—550.

вод, сделанный исследователями, следующий: тексты договоров, характеризующие лишь обязанности русской стороны, создавались на славянском языке, были переведены на греческий, а впоследствии вновь на славянский язык. Н. А. Лавровский же в своей книге доказал изначальность греческого текста, с которого был сделан русский перевод.⁵ Его доказательство расширил А. А. Шахматов, установив, что это был «не рабский перевод с греческого оригинала, а сознательная переделка в определенных редакционных целях».⁶ А. А. Шахматов также выдвинул гипотезу о внесении русско-византийских соглашений в ПВЛ Нестором,⁷ который уже имел русский перевод текстов договоров. В. М. Истрин, опираясь на выводы Н. А. Лавровского и А. А. Шахматова, поставил важный вопрос о времени перевода греческого текста на русский язык. Указав на большое количество ошибок, сделанных переводчиками, В. М. Истрин отнес время перевода не к X, а к XI в. «когда реальная обстановка заключения договора уже отошла в историю».⁸ Непонимание текста могло возникнуть тогда, когда переводчик договоров был дистанцирован во времени от оригинала и конкретные детали, связанные с составлением договоров, были уже неясны. В. М. Истрин считал, что договоры вошли в состав Хронографа по великому изложению, созданного на Руси в конце первой половины XI в. кружком русских книжников при Ярославе Владимировиче.⁹ Б. А. Ларин пришел к выводу, что язык договоров 911 и 944 гг. «не является ни чисто русским, ни древнеболгарским, а является языком со множеством элементов древнеболгарского, хотя должен быть признан в своей основе русским языком».¹⁰ Итак, перед нами реалии русского языка XI в., а семантика более древняя, уходящая своими корнями в эпоху архаического мировосприятия, так как важным компонентом договоров являлось устное предание.

Роль устной традиции была отмечена Д. С. Лихачевым, который указал на отражение в летописном повествовании, как в общем, так и в договорах Руси с греками в частности, двух обычаев — греческого письменного и русского устного.¹¹ «Эта встреча двух обычаев, как ее называет Д. С. Лихачев, осуществлялась в тексте при посредничестве третьей стороны — летописца, то есть в пространстве литературной коммуникации».¹² Исследования Т. В. Рождественской показали, что в договорах Руси с греками взаимоотношения между устной и письменной традицией проявляются в употреблении летописцем синонимичных лексем. «Распределение слов „клятва“ и „рота“ (и их производные) связано с контекстами, касающимися, соответственно, византийской христианской стороны и русов-христиан, и стороны русской языческой, там же, где речь идет о всей Руси, семантическое распределение обеих лексем (‘клятва’ и ‘рота’) нейтрализуется и они выступают в качестве синонимов. Подобное явление характерно для контекстов с глаголами „речи“ — „писати“».¹³ За взаимодействием устной

⁵ Лавровский Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853. С. 4, 13, 19, 159.

⁶ Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Зап. нефилологического общества. СПб., 1912. Вып. 6. С. 69.

⁷ Шахматов А. А. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды // История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2. С. 60, 63.

⁸ Истрин В. М. Договоры русских с греками // ИОРЯС. Л., 1925. Т. 29. С. 390.

⁹ Там же. С. 391.

¹⁰ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X—середина XVIII в.). М., 1975. С. 35.

¹¹ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 119.

¹² Рождественская Т. В. Об отражении устной и письменной традиции в договорах Руси с греками X века (рече — писати; рота — клятва) // Нурна у источника судьбы: Сб. статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001. С. 335.

¹³ Там же. С. 338—339. См. также: Рождественская Т. В. К вопросу о лингвистическом изучении договоров Руси с греками X века // «А се его сребро». Київ, 2002. С. 9—16.

и письменной традиции стоит взаимодействие языческого предания и христианского писания. Языческие реминисценции проявились в договорных клятвах (ротах) Олега, Игоря и Святослава.

Рассмотрим все упоминаемые клятвы в договорах Руси с греками, так как именно этот путь даст нам возможность более четкой и качественной интерпретации.

Первая рота русских в греческой земле зафиксирована летописью под 907 г., является самой краткой: «Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и роте заходивше межы собою, целовавше сами крестъ, а Олга водивше на роту и мужи его по Рускому закону кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ».¹⁴ Под 911 г. в формуле авторизации, в начале договора, мы встречаем упоминание о предстоящей клятве от послов, посланных Олегом в Константинополь. «Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшую межы хрестьяны и Русью многажды, право судихомъ, не точюю просто словесемъ, и писаннем и клятвою твердою, кленшеся оружьемъ своим, такую любовь утвердити, и известити по вѣре и по закону нашему».¹⁵ А в концовке договора: «На утверженъ же и неподвиженъ быти межы вами, хрестьяны, и Русью, бывший миръ сотворихомъ <...> Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от Бога суща, яко Божие здание, по закону и по покону языка нашего, не преступити нам, ни иному от страны нашея от уставленных главъ мира и любви».¹⁶

А. А. Шахматов уже в упоминавшейся выше работе выдвинул гипотезу, которая принята почти всеми исследователями, что на самом деле существовал один договор Олега с греками 911 г., а внесение его под 907 г. было сделано летописцем.¹⁷ Данная гипотеза доказывается и на основании текста клятв, в которых встречается однажды (под 907 г.) формула клятвы с русской стороны «По рускому закону...», а под 912 г. она упоминается, но не дублируется: «...кленшеся оружьемъ своим...», «...и по покону языка нашего...».

Важное отличие клятвы Олега от последующих рот Игоря и Святослава — отсутствие наказания для людей, преступивших условия договора, хотя структура клятвы впоследствии останется той же.

В летописи под 945 г. клятва встречается трижды (четырежды обозначены наказания-проклятия). В начале, как и под 912 г., перед основным текстом договора: «И великий князь нашъ Игорьъ, и князи и боляре его, и людье вси рустии послаша ны <...> къ великимъ царемъ гречскимъ створити любовь съ самѣми цари <...> на вся лѣта, донде же съяетъ солнце и весь миръ стоять. И иже помыслит от страны руския разрушити такую любовь, и елико ихъ крещенъе прияли суть, да примуть месть от Бога вседержителя, осуженъе на погибель въ весь вѣкъ в будущий, и елико ихъ есть не крещено, да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, да не ушитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, от стрѣль и от иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ в будущий».¹⁸ А в конце текста, как и в 907, и в 912 г., при подтверждении письменного договора, писанного на «двою харатью»: «...и ти принимающе харатью, на роту идуть хранити истину <...> хранити все, еже есть написано на ней, не преступити от него ничто же; а иже преступит се от страны нашея, ли князь ли инъ кто, ли крещенъ или некрещенъ, да не имуть помощи от Бога, и да будутъ рабъ въ весь вѣкъ в будущий, и да заколенъ будутъ своимъ оружьемъ. А не крещеная Русь полагають щиты своя и мечѣ свои наги, обручѣ свои и прочаа оружья, да

¹⁴ Повесть временных лет. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 18.

¹⁶ Там же. С. 19—20.

¹⁷ Шахматов А. А. Несколько замечаний... С. 69.

¹⁸ Повесть временных лет. С. 24.

кленутся о всемъ, яже суть написано на харатъи сей <...> Аще ли же кто от князя или от людей руских, ли хрестеянъ, или не хрестеянъ преступитъ се, еже есть писано на харатъи сей, *будеть достоинъ своимъ оружьемъ умерети, и да будетъ клять от Бога и от Перуна, яко преступи свою клятву* <...> да хранить си любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце съяетъ и весь миръ стоитъ, в нынешния вѣки и в будущая». ¹⁹ Под 945 г. также есть свидетельство о свершении роты и на русской земле, при возвращении послов, и эта рота происходит при участии князя Игоря, как и в 907 г. при участии Олега: «и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, и покладаша оружье свое, и щиты, и золото, и ходи Игорь ротъ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь водиша ротъ в церкви святаго Ильи». ²⁰

Санкционированные наказания разделены по религиозной принадлежности: для руси-христиан и для руси-язычников, хотя видны и взаимозависимость, и смешивание. В текстах рот переплетены санкции для русской и греческой сторон за преступления клятв. Здесь пересекаются не обязанности обеих сторон, а языческие и христианские верования. Кажущаяся двойственность объясняется А. А. Шахматовым путаницей переводчиков в греческих местоимениях *ἡμεῖς* — «мы» и *ὑμεῖς* — «вы». ²¹ Н. А. Лавровский пишет: «Небрежное переписывание с главного экземпляра грамоты. Так можно объяснить смешения христианских понятий с языческими, находящиеся в начале и в конце договоров». ²² Трудно согласиться с тезисом Н. А. Лавровского, так как смешение этих понятий может быть объяснено как реалиями середины X в., так и идеологией летописца XI в.

Последней и более всего нас интересующей клятвой (ротой) является рота Святослава, сотворенная в подтверждение договора 971 г. Клятва была принесена Святославом на греческой земле. Она размещается в конце договора, как и в предыдущих клятвах: «Азь Святославъ, князь руский, яко же кляхъся, и утвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою: хочю имѣти миръ и свершену любовь со всякимъ великимъ царемъ гречьскимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновенными цари, и со всеми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка. Яко николи же помышлю на страну вашу, ни собираю вой, ни языка иного приведу на страну вашу, и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть корсуньскую и елико есть городов ихъ, ни на страну болгарську. Да аще инъ кто помыслитъ на страну вашу, да и азь буду противень ему и борюся с нимъ. Яко же кляхъся ко царемъ гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая свѣщанья. Аще ли о тѣхъ самѣхъ прежереченьхъ не съхранимъ, азь же съ мною и подо мною, да имѣемъ клятву от бога, въ его же вѣруемъ — в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ колоти [золоти], яко золото, и своимъ оружьемъ да исъчени будемъ. Се же имейте во истину, яко же сотворихомъ ныне къ вамъ, и написахомъ на харатъи сей и своими печатъми запечатахомъ». ²³

Попробуем рассмотреть вместе все клятвы, обратив внимание на методы осуществления санкций, которым подвергнутся нарушители пунктов договоров.

Н. А. Лавровский, проводя анализ всех клятв в отношении того, в какой степени в них отразились языческие и христианские представления, отметил, что в клятве Олега 911 г. «христианские понятия господствуют». ²⁴ В Игоревой роте 945 г. «разделены христианские и языческие понятия», ²⁵ клятва же Святослава

¹⁹ Там же. С. 26.

²⁰ Там же.

²¹ Шахматов А. А. Несколько замечаний... С. 403—404.

²² Лавровский Н. А. О византийском элементе... С. 14.

²³ Повесть временных лет. С. 34—35.

²⁴ Лавровский Н. А. О византийском элементе. С. 12.

²⁵ Там же. С. 13.

978 г. «совершенно в языческом духе».²⁶ Мнение Н. А. Лавровского следует признать верным, так как только в договоре Игоря наказания за несоблюдение клятвы для русской и византийской сторон разделены. Интересно, что во второй клятве Игоря, в конце договора, при существующем разделении на христиан и нехристиан, наказания одинаковы для тех и для других. Поэтому можно разделить проклятия-наказаний на три группы: христианские, языческо-христианские, языческие. Для группы наказаний для христиан можно выделить лишь один вид проклятия: «да примуть месть от Бога вседержителя, осуженье на погибель въ весь вѣкъ в будущий».²⁷ Для «языческой» группы удастся выделить также одно наказание: «да будемъ колоти, яко золото». В языческо-христианскую группу проклятий-наказаний войдут все остальные категории.

Договоры Руси с греками дошли до нас не только в Лаврентьевском списке ПВЛ (далее — Л), но и в родственных ему: Троицком (далее — Т), Радзивилловском (далее — Р), Академическом (далее — А), а также в Ипатьевском (далее — И) и Хлебниковском (далее — Х) списках. Также договоры сохранились в летописях «Новгородско-Софийской» группы: Новгородской Карамзинской летописи первой подборки (далее — НК1), Софийской первой летописи старшего извода (далее — С1Л) и в Новгородской четвертой летописи (далее — Н4Л), в основе которых лежит ПВЛ, а также в некоторых других, которые не были привлечены в нашем исследовании, так как являются более поздними. Текст договора Святослава Игоревича имеет ряд чтений, вызывающих дискуссии среди исследователей.

В списках Л, Р, А, И, Х отсутствует упоминание о загадочной пинехресе, упомянутой в концовке клятвы. Во всех этих летописях читаем «яко же створихомъ ныне къ вамъ». В НК1, Н4Л и С1Л читаем: «яко же пинехросу створимъ ныне къ вамъ». В Ипатьевской летописи читаем: «да будемъ золотѣ, якоже золото се».²⁸

Именно на основе выражения из И. В. М. Истрин отождествил ‘золото се’ с ‘пинехросой’ (несмотря на то что «пинехруса» не встречается в И). В. М. Истрин считает, что «пинехруса» — это неправильное прочтение греческого *πινᾶ κίου* «доска для письма» — *πινᾶ κίου*, а при переводе переводчик решил, что *ἄκιο* — это груша, и не перевел первую часть, получилась «пинехруша», а в дальнейшем изменилось в «пинехросу».²⁹ В более поздней работе В. М. Истрин выдвинул и другую гипотезу, что «пинехруса» — какая-то золотая вещь, какой-то амулет, каким-то образом исколотый, даваемый в залог при заключении того или иного договора и имевший символическое значение». Исходя из этого, автор дает следующий перевод интересующего нас выражения: «Если мы сказанного не сотворим, то будем мы исколоты, как это золото»,³⁰ т. е. как «пинехруса». Н. М. Карамзин же предполагал, что «пинехруса» — эта грамота с золотой печатью.³¹ Гипотезы исследователей правомерны, но не учитывают текстологических реалий: «пинехруса» встречается лишь в летописях XV в., а в более ранних не встречается. По всей видимости, «мы имеем тут дело с позднейшим грецизмом, искусственно внесенным в летописный текст грамоты Святослава».³² Возможно, что слово «пинехруса» появляется впервые в НК1 или в ее источнике, центрально-

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 24.

²⁸ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 61.

²⁹ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания // ИОРЯС. Пг., 1923. Т. 26. С. 77.

Примеч. 1.

³⁰ Истрин В. М. Договоры... С. 390. Примеч. 1.

³¹ Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. Примеч. 413. С. 279.

³² Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника (Акты X—XVI вв). М., 1996. С. 20—21.

русской летописи, с Повестью временных лет в начале текста, родственной Л и Р, но не тождественной ни той, ни другой.³³ В связи с этим тезисом можно предположить, что «золото се» И не имеет отношения к «пинехресе».

Дискуссионным является также вопрос о первичности выражения «колоти яко золото», которое сохранилось лишь в Л, а во всех других летописях мы читаем «золоти» или «злати» вместо «колоти»³⁴ — именно на этом основании большинство исследователей считает чтение «колоти» ошибкой летописца. Н. М. Карамзин считал чтение «колоти» опиской.³⁵ А. А. Зимин³⁶ и С. М. Каштанов³⁷ придерживаются мнения Н. М. Карамзина, считая чтение Л ошибочным. И. И. Срезневский рассматривал выражение «колоти яко золото» как первоначальное, ничем это не обосновывая, и не рассматривал чтение «золоти».³⁸ В. М. Истрин и О. В. Творогов также считают чтение «колоти» первоначальным, о чем будет сказано ниже. Попробуем обосновать мнения И. И. Срезневского, В. М. Истрина и О. В. Творогова.

По мнению А. А. Гиппиуса, отношения между 6 основными списками ПВЛ были следующими. Составитель протографа Р и А (р) систематически исправлял чтения основного источника (λ) — протографа ЛТ (РА) на основании списка типа (υ) — протографа ИХ (РА).³⁹ Поэтому можно предположить, что чтение «золоти» попало в список типа (ρ) — протографа РА из (υ), а чтение «колоти», находящееся в (λ), как не понятное для составителя протографа РА, было заменено на более понятное «золоти», которое читалось в списке типа (υ). Как мы видим, «колоти» — не обязательно описка, скорее это первичное, архаичное чтение клятвы договора, дошедшее до нас лишь в Лаврентьевской летописи, в других же списках оно было заменено как непонятное.

Исследователи по-разному трактовали выражение «колоти яко золото» и «золоти яко золото». Ученые, придерживающиеся мнения о том, что «колоти» — это описка, сосредоточили свое внимание на интерпретации строки «золоти яко золото». В. Н. Татищев перевел: «да буду мертв, яко же золото, его же емлю».⁴⁰ Н. М. Карамзин переводил: «Да будем желты, как золото»,⁴¹ объясняя: «в нашем языке золото получило имя свое от желтого цвета. Иллирические славяне называют желты *zlatenica*, а богемские *zlautenice*. „Да будем желты“ есть то же, что „да будем мертвы“».⁴² А. Н. Афанасьев дает следующий перевод интересующего нас места: «да будем желты как золото = да изсушит нас небесное пламя, произнося это заклятие, полагали перед кумирами золото».⁴³ Словарь «Славянские древности» предлагает другой перевод: «станем желтыми как золото, то есть заболеем желтухой».⁴⁴ А. А. Зимин: «и да пожелтеем, как золото».⁴⁵

³³ Бобров А. Г. Летописный свод митрополита Фотия // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 103; Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 172—173.

³⁴ В Р, А — «золоти», в НК1, С1Л — «злати», в Х, И — «золотъ», в Н4Л — «златъ».

³⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. Примеч. 413. С. 279.

³⁶ Памятники русского права / Под ред. А. А. Зимина. М., 1952. Вып. 1. С. 60.

³⁷ Каштанов С. М. Из истории... С. 24—25.

³⁸ Срезневский И. И. Договоры с греками X века // Исторические чтения о языке и словесности 1854. СПб., 1855. С. 133—134.

³⁹ Гиппиус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // Russian Linguistics. 2002. N 26. Kluwer Academic Publishers. P. 85, 87.

⁴⁰ Татищев В. Н. История российская: В 7 т. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 225, примеч. 144.

⁴¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. С. 137.

⁴² Там же. С. 163, примеч. 413.

⁴³ Афанасьев А. Н. Стихия света в ее поэтических представлениях // Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. М., 1982. С. 71.

⁴⁴ Агапкина А. Т., Виноградова Л. Н. Золото // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 354

⁴⁵ Памятники русского права. М., 1952. Т. 1. С. 60.

И. И. Срезневский, найдя интересную параллель в Старшей Эдде, в Прорицании вельвы, следующим образом интерпретировал данный текст из договора Святослава 971 г.: «да будем заколоты, как была заколота Гульвейг, да будем наказаны, как она за свое отступление от правоты».⁴⁶ И. И. Срезневский обратил внимание на точку соприкосновения мотива золота и мотива исколотости в мифологической традиции. Как мы указывали выше, В. М. Истрин также считал чтение «колоти» первичным, связывая его с «пинехрусой».⁴⁷ О. В. Творогов, давая интерпретацию данной строки ПВЛ, ссылаясь на В. М. Истрина, выдвинул предположение, что «колоти» — первоначальное чтение и что в санкции клятвы Святослава Игоревича «речь идет о каком-то ритуальном обряде „прокальвания золота“».⁴⁸

Вначале следует рассмотреть вопрос о правомерности перевода «желтые, как золото». В словаре В. И. Даля находим: «Желтый — цвет солнца или золота, различной яркости».⁴⁹ В мифологиях золото очень часто упоминается вместе с солнцем, так как золото соотносится с символикой света, солнца, месяца.⁵⁰ Это подтверждается и текстами древнерусской литературной традиции. Так в переводном с греческого языка Слове Иоанна Златоуста читаем: «Солнце восходящее и желты испускающа лучи».⁵¹ Этимологически соотнесены семантические связи 'солнце — золото' и 'золото — желтый цвет'. Обратим внимание и на латиноязычную традицию. Латинское *augur* — «золото» и *Auigo* — «богиня утренней зари».

Эти значения любопытным образом коррелируют с клятвой Игоря 911 г., в которой русские кляли золото перед Перуном, что отметил в своем переводе этой фразы договора А. Н. Афанасьев, а также с концовкой клятвы, в которой мир не разрушится, «дондеже солнце сияет». Золото — металл Бога, символизирующий его силу и могущество, поэтому в некоторых мифологических традициях божественная атрибутика может являться золотой или желтой. К примеру, главным атрибутом Бога балтийских славян Яровита был щит с золотыми бляхами, который в дни войны несли перед войском, а в мирное время он висел на стене святилища Вольгасты.⁵² По всей видимости, щит символизировал солнце. Одним из эпитетов индийского бога Вишну был «носитель желтых одеяний».⁵³ Идол Перуна также имел «главу сребрену, а усь златъ».⁵⁴

В памятниках древнерусской литературы золотая атрибутика принадлежит князю. Князь, как и Бог, является сакральной фигурой, потестарность его власти зависит от удачи, от расположения Бога. «Золото» в литературных текстах — олицетворение богатства, власти, так как власть князь получает от Бога. Прилагательные «золотой», «злаченный», как правило, не выступают в роли колористических определений. В текстах «Слова о полку Игореве» и в «Житии Александра Невского» эти прилагательные присваиваются князю или дружине, причем в переносном значении.⁵⁵ Прилагательное «золотой», если оно указывает на цвет, а не на материал, к примеру 'злато слово', 'седло злато', тоже как бы лишено реального цветового значения; лишь однажды в «Слове о полку Игореве», правда, в составе сложного слова «златоверхий шатер», корень «злат-» вы-

⁴⁶ Срезневский И. И. Договоры с греками X века. С. 134.

⁴⁷ См. выше.

⁴⁸ Творогов О. В. Повесть временных лет: Комментарии // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 501.

⁴⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2. С. 530.

⁵⁰ Агапкина А. Т., Виноградова Л. Н. Золото. С. 353.

⁵¹ Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 462.

⁵² Иванов В. В., Топоров В. Н. Яровит // Мифологический словарь. М., 1992. С. 651.

⁵³ Серо Н. В. Античный хроматизм. СПб., 1995. С. 385.

⁵⁴ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 1. Стб. 79.

⁵⁵ Панченко А. М. О цвете в древнерусской литературе // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 8.

полняет роль цветовой характеристики.⁵⁶ В связи с этим А. М. Панченко делает вывод о «метафоричности значений колористических признаков»⁵⁷ в древнерусской литературе. Именно поэтому вся древнерусская литература невероятно бедна колористическими характеристиками; наиболее насыщенными являются летописи, правда, лишь при описании каких-либо атмосферных катаклизмов. Так, под 1161 г. в Ипатьевской летописи читаем: «... в то же веремя бысть знамение в лунѣ <...> и потомъ бысть [луна], яко двѣ лица имущи, одно зелено, а другое желто, и посредеѣ ея яко два ратьная съкушесе мечема, и одному ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше».⁵⁸ По всей видимости, употребление летописцем цветообозначающих прилагательных объясняется также сакральностью и метафоричностью явлений, им описываемых, так как атмосферные знамения являются экспликацией божественного могущества. Стихийные бедствия насылаются Богом за людские прегрешения и являются определенным видом наказания — это понимание справедливо и для языческого, и для христианского мировоззрения.⁵⁹ Как видим, и в архаическом сознании, и в христианской древнерусской литературе цветовая символика, в частности золотая, относится к Богу и его проявлениям на земле, в том числе и к наказаниям. Клятвы русичей говорят нам о том же. Наказания должны последовать от их богов — Перуна и Волоса.

Еще Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров заметили, что в клятве Святослава Перун соотносится с оружием, так как является богом дружины, а Велес — с золотом, так как является богом богатства.⁶⁰ Как мы знаем из клятв, Велес также был богом скота. В связи с этим логично звучит интерпретация, данная А. Н. Афанасьевым, если принять точку зрения, что летописец не внес в клятву Святослава названия тех сакральных предметов, перед которыми совершалась рота. Это можно объяснить тем, что клятва Святослава, где и не идет речь о самом ритуале клятвы, написана от 1-го лица, а клятва Игоря, где русские «покладоша оружье свое и щить свои, и золото, и ходи Игорь роте и люди его» — от 3-го лица. Можно полагать, что акциональность клятвы не изменилась за 27 лет, прошедших между ротами Игоря и Святослава. В связи с этим можно по-другому взглянуть на сочетание в И. 'Золото се' — это то золото, перед которым происходила клятва и Игоря, и Святослава.

Оружье и щиты, которые клали русские, в клятве Игоря соответствуют наказанию «исколоты своим оружием», а золото — «колоти яко золото» клятвы Святослава. Попробуем проанализировать смысл и обстоятельства произнесения клятвы Игорем.

Клятва в архаических обществах приносилась перед статуями богов как посредниками между двумя приносящими клятву сторонами, что мы видим и на примере русских и византийцев. Часто перед обращением к богам совершался обряд жертвоприношения, чтобы умиловить их.⁶¹ Можно предположить, что в данном случае речь идет не о простом положении оружия и золота перед Перуном, а о жертвоприношении оружия и золота или символическом жертвоприношении. Исходя из этого предположения, можно перевести выражение «да будем колоти яко золото» как «если не исполним обещанного, то будем принесены в жертву, как это золото». Подтверждением этого перевода может служить

⁵⁶ Там же. С. 12, 15.

⁵⁷ Там же С. 17.

⁵⁸ Ипатьевская летопись. Стб. 90.

⁵⁹ См. библейские сказания о потопе (Быт. гл. 6), об истреблении Содома и Гоморры (Быт. 9: 23—30).

⁶⁰ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 23.

⁶¹ Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 458—501.

семантика глагола 'колоти', 'клати'. Глагол 'колоти' имеет значение — приносить в жертву.⁶² Прилагательное «колотый» — «забитый, умерщвленный», а также отмечено переносное значение — «мертвый, неживой».⁶³ Существительное 'колотье' означает «убой скота».⁶⁴ А. Г. Преображенский приводит 2 значения глагола «колоть» — «убивать, приносить в жертву» и «колоть», считая их этимологически родственными.⁶⁵ Греки и римляне часто приносили в жертву золото и золотые украшения после захвата городов и битв в благодарность за победу. Ксеркс бросил в Геллеспонт золотой кубок и меч (искупительная жертва), после того как он сковал и высек море, чтобы его умиловать.⁶⁶

Волосу, так как он был скотским богом, приносили в жертву домашний скот, правда, точными сведениями об этом мы не располагаем, однако родственным Велесу богам — балтийскому Велнясу и богу балтийских славян Велсу, являющимся покровителями скота, жертвовались домашние животные.⁶⁷ Возможно, в нашем случае золото являлось заместительной жертвой или приносилось Велесу как богу богатства, хотя это предположение доказать очень сложно.

Доказать правоту нашей интерпретации позволяет материал скандинавских саг. Как мы говорили выше, клятва Игоря происходит вначале в Византии, а потом на Руси около идола Перуна. На греческой земле воины Игоря перед клятвой «полагают щиты своя и мече свое наги, обруче своѣ, и прочаа оружья». На Руси же «покладоша оружье свое и щить свои, и золото, и ходи Игорь роте и люди его». Как можно увидеть, атрибуты русских воинов во время принесения клятвы несколько разнятся. Среди атрибутов, упомянутых летописцем, ярко выделяются вещи, относящиеся к оружию, а также атрибуты, к ним не относящиеся: обручи и золото. Можно сделать предположение, что первоначальное «обруч» во второй клятве Игоря заменено «золотом». В НІЛ читаем о ранних князьях: «Они бо не складаху на своя жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ в серебряныхъ».⁶⁸ Данная фраза указывает на принадлежность золотых обручей князю (как и всей золотой атрибутики) в лице его жены. В словаре И. И. Срезневского слово 'обручъ' имеет несколько значений: запястье, украшение, носимое на руке, запястье как часть воинского доспеха, кольцо.⁶⁹

Поэтому можно предположить, что «обруч» клятвы Игоря — кольцо, важный атрибут принесения клятвы, так же как и в скандинавской традиции. В скандинавской устной и письменной традиции встречается священное золотое кольцо, на котором давали клятвы. Такие кольца засвидетельствованы также у готов.⁷⁰ Принадлежность дружин первых русских князей к скандинавской культуре отрицать нет необходимости. В песнях Эдд кольцо (в большинстве случаев золотое) часто является синонимом богатства, золота.⁷¹ Возможно, что клятвы договоров русских с греками происходили при посредстве кольца (обруча), которое, возможно, и является «золотом сем» И клятвы Святослава. Возможно, в случае с клятвами Олега, Игоря и Святослава мы имеем дело со скандинавской традицией принесения клятвы при помощи золотого кольца. Данные клятвы были связаны с жертвоприношением или символическим жертво-

⁶² Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 251—252.

⁶³ Там же. С. 253.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 338.

⁶⁶ Геродот. История / Перевод Г. А. Стратановского М., 1999. С. 423.

⁶⁷ Иванов В. В., Топоров В. Н. Велняс // Мифологический словарь. М., 1992. С. 120.

⁶⁸ Новгородская первая летопись младшего и старшего извода // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 104.

⁶⁹ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2, ч. 1. С. 550—551.

⁷⁰ Стеблин-Каменский М. И. Комментарии // Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / Перевод А. И. Корсуна. М.; Л., 1963. С. 221, коммент. 25.

⁷¹ Кольца — золото, сокровища (Там же. С. 240); красные кольца — золото (Там же. С. 246).

приношением золота (золотого обруча), что отразилось в форме проклятия «колоти яко золото».

Касательно оружия, которое клалось перед клятвой к статуям кумиров, следует заметить, что на мотив его жертвоприношения указывает наказание: «да иссечены будемь своим оружиемь». В скандинавской мифологии Один — верховный бог, являвшийся покровителем воинов, как и Перун, а также бог воинских инициаций и жертвоприношений, сам себя приносит в жертву, пронзая себя собственным копьем, и висит девять дней на мировом дереве, чтобы получить руны — носители мудрости.⁷² По свидетельствам Аполлодора, Аякс, рассердившийся на ахейян, что золотые доспехи Ахилла, принадлежащие ему по праву, достались Одиссею, в порыве безумия убивает скот. Когда рассудок возвращается, он не в силах пережить позора и кончает жизнь самоубийством, бросаясь на свой меч.⁷³ Одна из возможных интерпретаций — принесение в жертву самого себя в качестве искупления своего преступления.

Интересна связь «скотьего бога» с царством мертвых, которая объясняется древним индоевропейским представлением о загробном мире как о пастбище.⁷⁴ Велес связан с загробным миром, а золото также относится к потустороннему миру. Отношение золота к загробному миру было отмечено В. Я. Проппом на материале русских волшебных сказок.⁷⁵ В сказках персонаж или предмет, которому сопутствует эпитет «золотой», «принадлежит к иному царству».⁷⁶ Напомним также «золотые горы», «золотые яблоки». Но не только в сказках золото имеет отношение к потустороннему миру. В английских народных песнях золото и желтый цвет — эпитеты мира мертвых. По мнению А. Т. Хроленко, «из восьми случаев употребления этого [yellow — желтый] эпитета пять относятся к существительному coffin — гроб. В некоторых примерах yellow с существительным coffin связано через существительное gold — золото — материал, из которого сделан гроб, или через глагол to edge — окаймлять».⁷⁷ Приведем несколько примеров:

A coffin shall shine yellow.⁷⁸
For she shall have a coffin of gold shining yellow.
I will have the coffin made for my love.
And I'll edge it all with yellow.⁷⁹

Следует обратить внимание на сочетаемость эпитета 'желтый' с существительными в различных фольклорных жанрах. В русских былинах прилагательное «желтый» сочетается с четырьмя существительными: волос, волосочки (2), коса (1), кудри (106), песок (20).⁸⁰ Для нас интерес представляет 'желтый песок'. «Желтый песок — общефольклорное эпитесочетание с весьма сложной семантикой. В нем проступает мотив захоронения, так как сыпучий желтый песок ассоциируется с сырой землей».⁸¹ «Опущали его да во сыру-землю, засыпали его да ведь желтым песком».⁸² В лирических песнях кроме песка встречаются желтая

⁷² Мелетинский Е. М. Один // Мифологический словарь. М., 1992. С. 410.

⁷³ Тахо-Годи А. А. Аякс // Там же. С. 81.

⁷⁴ Иванов В. В., Топоров В. Н. Велес. С. 120.

⁷⁵ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 284—286.

⁷⁶ Давыдова О. А. О семантической структуре прилагательного «золотой» в языке русских народных волшебных сказок // Специфика семантической структуры и внутритекстовых связей фольклорного слова. Курск, 1984. С. 120.

⁷⁷ Хроленко А. Т. Желтый в русских былинных текстах // Живая старина. 1997. № 4. С. 1—8.

⁷⁸ Sharp's Collection of English Folk Songs. London, 1974. Vol. 1. P. 113. Указано А. Т. Хроленко.

⁷⁹ Ibid. P. 212. Указано А. Т. Хроленко.

⁸⁰ Хроленко А. Т. Желтый в русских былинных текстах. С. 8.

⁸¹ Там же. С. 7.

⁸² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1950. Т. 1. № 39.

иволга и желтые розы, которые являются вестниками печали. В «Словаре русских народных говоров» значение слова «желтенький» — полный трудностей, лишений.⁸³ Желтый и yellow в рамках европейской традиционной культуры обладают созначением — беда, печаль, смерть,⁸⁴ что доказывает принадлежность золота к иному миру. С. С. Аверинцев в своей работе, посвященной символике золота в ранневизантийской культуре, показал, что в Ветхом и Новом Заветах золото связано со страданием: «Горнило, в котором истязуется благородный металл, уже в Ветхом Завете стало символом для горнила испытаний, в котором испытывается человеческая душа».⁸⁵ Для Нового Завета символика золота схожа с символикой Ветхого Завета: «Для Нового Завета золото связано с идеей страдальческого очищения и грозных испытаний».⁸⁶ Такая символика золота, заимствованная из Писания, была воспринята и древнерусской литературной традицией, что отразилось в переводной литературе. В Слове Даниила Заточника, насыщенный цитатами из Псалтыри, читаем: «Злато искушается огнемъ, а челоуѣкъ напастьми».⁸⁷

Итак, можно прийти к заключению, что летописец, который работал в русле христианской традиции, возможно, не понимал слов «колоти яко золото» как оборот, зафиксировавший проклятие Бога для язычников, и решил перевести его ближе к христианскому пониманию. Он уподобил ослушавшихся клятвы — золоту, предрекая им годину напастей и лишений, такую, которую проходит золото в процессе выплавки. Семантика выражения «золоти яко золото» намного глубже, так как подразумевает и метонимический перенос, связанный с цветом золота — желтым, который, как мы показали выше, имеет ряд негативных оттенков значения и для христианской культуры. Возможно, последующие летописцы подразумевали данный цветосемантический переход и расценивали желтый цвет как принадлежность к загробному миру, как символ корыстолюбия и неправомерного обогащения. Интересно в связи с этим замечание И. И. Срезневского по поводу убийства Гульвейг (золота), так как она занималась волшебной и «умы покорялись ее чародейству злым женам на радость».⁸⁸ Здесь явно виден момент наказания за несправедливое обогащение и подстрекательство к несправедливым действиям по отношению к богам. Возможно, с помощью скандинавских мифологических представлений четче можно представить переход от одного выражения к другому, так как мотив несправедливости, связанный с золотом, принадлежит не только христианскому миру, но и миру языческому.

В процессе исследования русских клятв, совершаемых при заключении договоров с Византийской империей, была сделана попытка интерпретации одной из форм проклятий клятвы Святослава Игоревича «колоти яко золоти» и ее вторичного чтения «золоти яко золото», которое было объяснено непониманием летописцем языческих парадигм и стремлением сделать более понятным данное наказание. Были рассмотрены 2 пласта семантики: языческой и христианской — и выдвинута гипотеза, что положение оружия и золота перед кумирами во время клятвы расценивалось как жертвоприношение или символическое жертвоприношение, о чем говорят формы наказаний за ослушание.

⁸³ Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1977. Т. 3. С. 111.

⁸⁴ Хроленко А. Т. Желтый в русских былинных текстах. С. 7.

⁸⁵ Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне. Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973. С. 50.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Слово Даниила Заточника // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. XII век. С. 272.

⁸⁸ Прорицание Вельвы // Старшая Эдда / Перевод А. Корсун. СПб., 2000. С. 28.